

УДК 321.011.5 (575.2):338.2

**ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА КАК ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА В СВЕТЕ НЕЭФФЕКТИВНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Б.А. Игамбердиев, Ж.Ч. Тегизбекова

Рассмотрены вопросы истории Кыргызстана с момента независимости как процесс реализации индивидуального интереса, что явилось возможным ввиду отсутствия понимания закономерностей экономического развития.

Ключевые слова: Вашингтонский консенсус; реализация индивидуального интереса; политика МВФ; либерализация; приватизация; макростабильность.

**HISTORY OF KYRGYZSTAN AS A PROCESS OF INDIVIDUAL INTEREST
REALIZATION IN LIGHT OF INEFFICIENT ECONOMIC MANAGEMENT**

B.A. Igamberdiev, Zh.Ch. Tegizbekova

This article reflects the history of Kyrgyzstan since independence as a process of individual interest realization, which resulted from lack of understanding of economic rules.

Key words: Washington Consensus; individual interest realization; IMF policies; liberalization; privatization; macro stability.

Текущей реальностью в Кыргызской Республике в последние два десятилетия было озабочено большинство населения. За этот период многими исследователями Кыргызстана был проведен тщательный анализ ситуации в республике. К сожалению, наука в Кыргызстане не оказывает особого влияния на реальность. В связи с этим мы перманентно сталкиваемся с неким эффектом “де-жа-вю”, когда, читая старые аналитические заметки, ты понимаешь, что практически ничего не изменилось.

Так, в научной статье профессора Нура Омарова ““Национальный проект – Кыргызстан”: в полушаге от мечты...?” ставится вопрос: “Об этом ли мечталось 15 лет назад, и остановимся ли мы на этом? Похоже, что национальный суверенитет, ассоциировавшийся для многих с самыми светлыми и радужными ожиданиями, оборачивается в нечто иное. Благодаря этому, современный этап новейшей истории Кыргызстана, специфика которого определяется масштабными политическими и экономическими переменами, рождает все больше разных вопросов. Особое место среди них занимает такой: были ли мы изначально обречены на подобное бедственное положение или же республика

имела исторический шанс на обретение реального суверенитета?” [1, с. 3]

С момента опубликования статьи прошло семь лет. И за истекший период времени каких-либо значительных позитивных изменений не произошло. После первой “революции” республика пережила развитие нового авторитарного и весьма криминализованного режима (о чем немало работ опубликовано после второй “революции”), наряду со всем остальным миром испытала “прелести” мирового экономического кризиса и, пройдя через череду потрясений со сменой режима и межэтническим кровопролитием в 2010 г., к 2013 г. вновь находится в состоянии неопределенности.

Исторический период в семь лет не принес существенного улучшения в развитии республики. Ни поступления значительных инвестиций и развития нового производства, ни большей стабильности и улучшения функционирования государственных институтов не произошло. Внешний долг по-прежнему продолжает нарастать, стремление населения выехать за рубеж не сокращается. В связи со значительными социальными и экономическими проблемами страну покинули, по разным данным, от семисот тысяч до полутора милли-

онов человек [2]. За последние годы Кыргызстан, наряду с Таджикистаном, вышел в число мировых лидеров по ввозу капитала от трудовой миграции относительно размеров ВВП. [3, с. 63]

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, как следствие нестабильности и кровопролития 2010 г. в Кыргызстане рост ВВП составил 0,5 % (а по оценкам МВФ и Всемирного Банка рост ВВП в Кыргызстане составил 1,4 %). Вследствие некоторой стабилизации в 2011 г. ВВП вырос на 5,7 % по отношению к 2010 г., составив 273,1 млрд сом., или 5,87 млрд долларов по обменному курсу 31 декабря 2011 г. В 2012 г. ВВП вновь сократился, составив 99,1 % по отношению к 2011 г. [4] Индекс потребительских цен в 2011 г. вырос на 5,7 %, но в предыдущем 2010 г. он составлял 19,2 % [5].

Структура производства в стране не вселяет оптимизма, что связано с высокой долей сельского хозяйства (которое само по себе неэффективно) в ВВП республики. Так, в 2011 г. “сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство” в совокупности дали 147347,6 млн сом., что составило 53,9 % ВВП (НСК КР, “Итоги 2011 г.”)

Для поиска ответов о причинах сложившейся ситуации следует обращаться как к внутренним, так и к внешним факторам, оказывавшим влияние на протяжении всей истории республики. В ряде основных факторов можно выделить отсутствие четкой, продуманной стратегии экономического развития в республике. Руководство не в состоянии было оценить всех масштабов потенциальных проблем.

Так, первый президент Кыргызской Республики А. Акаев, в одной из книг пишет: “В начальный период преобладали оптимистические настроения с оттенками романтизма. Будущее виделось в розовых красках, а неизбежные трудности представлялись легкопреодолимыми. Казалось, дело лишь в выборе правильного практического ориентира” [6, с. 24]. Несмотря на то что многие шаги казались вынужденными, но верными, или как минимум неизбежными, степень их правильности, а, точнее, не-правильности, демонстрирует сама история.

Роль МВФ в развитии Кыргызстана. Распад Союза привел к значительному росту цен, став результатом резкой либерализации цен и исчислявшимся сотнями процентов годовых и падению производства. Негативным фактором стало и то, что действия каждой отдельной страны, находившейся в рублевой зоне, накладывало свой отпечаток на положение в другой, что в итоге привело к полной потере контроля за предложением денег в рублевой зоне и безудержному росту цен.

В данной ситуации Марек Домбровский и Рафал Антчак отмечают позитивную сторону в дей-

ствиях Международного валютного фонда (МВФ), способствовавшего стабилизации цен посредством финансирования введения национальной валюты: “Валютная реформа (обмен рублей на сомы по курсу 200:1) была частью широкого стабилизационного и либерализационного пакета, являющегося основой соглашения с МВФ о предоставлении резервного кредита (*stand-by*), а затем о предоставлении кредита *STF* (*Systemic Transformation Facility*). Реформе сопутствовали усилия по повышению дисциплины предложения денег и ограничению бюджетного дефицита. Период значительной монетарной и бюджетной экспансии в конце 1992 – начале 1993 г. принес ужесточение кредитной и бюджетной политики.

Национальный банк Кыргызстана начал, в частности, ограничивать прямое кредитование с помощью специальных кредитных линий, предназначенных для конкретных секторов и предприятий, с ощутимо льготными процентными ставками, и переходить на систему кредитных торгов. Номинальная процентная ставка заметно возросла и стала формироваться на уровне равновесия между предложением и спросом на кредитных аукционах (340 % годовых в середине октября 1993 г.). Требования, представленные соглашением о резервном кредите на 30 июня 1993г. были, в принципе, выполнены. В летние месяцы 1993 г. незначительно снизилась и инфляция до уровня менее 20 % в месяц” [7].

И если меры, комплексно предпринятые МВФ для стабилизации экономики, кажутся бесспорными, то трудно назвать таковыми прочие действия МВФ как в Кыргызстане, так и в других странах, где оказывала помощь эта организация.

В числе основных требований организации, к концу XX в. ставшей полным приверженцем идей рыночного фундаментализма и действовавшей в ключе “Вашингтонского консенсуса” следующие: 1) стабилизация макроэкономических показателей; 2) осуществление приватизации собственности; 3) полная либерализация рынков (как товарных, так и финансовых)

Если начальные действия по стабилизации можно в той или иной мере назвать успешными и оправданными, то способы осуществления приватизации и процесс либерализации экономики оказались чрезвычайно деструктивными. Упомянув о макростабильности экономики, обычно подразумевают такие совокупные показатели, как рост ВВП, уровень безработицы и уровень инфляции. МВФ же особое внимание уделял лишь уровню инфляции, вопреки ситуациям, когда инфляция невелика, но отсутствует рост экономики при значительной безработице. Так, Аргентина в течение долгих лет

имела высокую оценку МВФ при двухзначных показателях уровня безработицы, поскольку имела сбалансированный бюджет и видимость подконтрольности инфляции.

Таким же “примерным учеником” была и Кыргызская Республика. И именно таким же образом контролировались только показатели инфляции, не уделялось при этом внимания стимулированию создания новых рабочих мест и развитию нового производства в ответ на закрытие старых предприятий.

Что же происходило с теми странами, которые не укладывались в параметры инфляции и, к примеру, имели малую безработицу, рост валового внутреннего продукта при улучшающейся инфраструктуре? Они получали отказ в помощи не только от самой организации, но и от Всемирного банка и других кредиторов.

Остроту этой угрозы можно прочувствовать, учитывая поведение Южной Кореи в период кризиса в Юго-Восточной Азии в 1997 г. Чтобы не потерять других инвесторов, страна, показывавшая свою жизнеспособность и эффективность в течение долгих лет, была вынуждена согласиться на кабальные условия МВФ. В число этих условий входило жесткое регулирование показателей инфляции, строгая сбалансированность бюджета и еще большая либерализация финансовых рынков. Следует отметить, что именно либерализация финансовых рынков, осуществленная под давлением МВФ, привела к кризису в регионе Юго-Восточной Азии.

Вернемся к перечню требований, предъявленных к странам с переходной экономикой (или бывшим социалистическим странам). Поскольку одним из основных требований для рыночной экономики является “господство частной собственности”, то естественным стало требование трансформации государственной собственности в частную, то есть приватизация.

По состоянию экономики можно констатировать, что в Кыргызстане, так же как и во многих других странах, она оказалась “провальной”. Причиной тому послужило отсутствие соответствующих рамок в виде регулирующих предписаний, законов и правил. Не было создано институциональной инфраструктуры рыночной экономики. Отсутствовали конкурентные условия. Приватизация оказалась самоцелью, но не средством, ведущим к усовершенствованию экономики.

По мнению экспертов МВФ, необходимости во всем этом не существовало. Условия должны были впоследствии сформироваться самостоятельно, а приватизация должна была быть проведена в кратчайшие сроки. Но практика показала, что соз-

дание частных монополий препятствовало развитию конкуренции и регулирующего аппарата.

Согласно оценке Джозефа Стиглица, Нобелевского лауреата по экономике 2001 г., здесь наблюдается последовательность в действиях организации. Поскольку она печется о макростабильности, то ее удовлетворяет то, что средства, поступающие от приватизации, способствуют сбалансированности бюджета. При этом он подчеркивает всю несостоятельность политики МВФ, отсутствие продуманной стратегии развития для каждой отдельной страны и использования одной тактики в отношении всех стран. Но самое негативное, по его мнению, то, что приватизация стимулировала реализацию индивидуального интереса и способствовала развитию коррупции, в то время как предполагала их сокращение: борьба со “снятием пенек” с госпредприятий и возможности “дарования” должностей на них со стороны чиновников были в объективе. Но в итоге получилось обратное: чиновникам на руководящих должностях больше не требовалось ожидать своих ежегодных прибылей, они могли взять все и сразу. [8, с. 181].

Способы приватизации, а также скорость ее проведения, сыграли негативную роль и привели к столь плачевным последствиям. К примеру, в России падение производства с 1990 по 1998 г. составило 42,9 %, а ВВП сократился на 45 %, что несопоставимо больше, чем в СССР за период Великой Отечественной войны, когда падение производства составило 24 %.

В то же время согласно теореме Коузе при правильно очерченных рамках законодательства собственность попадает только к эффективному пользователю. Подобный пример на практике показали Китай и некоторые страны Восточной Европы, такие, как Польша, Венгрия или Словения. Это подтверждается и заявлениями, сделанными отдельными представителями руководства периода трансформации в этих странах. Так, согласно оценке Гржегорца Колодко, вице-премьер-министра и министра финансов Польши того времени, успех его нации был обусловлен выражением четкой негативной позиции Польши относительно доктрины Вашингтонского консенсуса. Страна не следовала рекомендациям МВФ, не проводила быстрой приватизации, не стремилась подавить инфляцию любой ценой, без учета других составляющих макроэкономической стабильности, но придавала большое значение ряду явлений, таких, как важность народной поддержки процессу реформ через поддержание низкого уровня безработицы, помощь пенсионерам и безработным, корреляция уровня доходов и уровня инфляции, создание институ-

циональной инфраструктуры, необходимой для функционирования рыночных механизмов – всего того, на что МВФ не обращал никакого внимания [8, с.182].

Каково же влияние на экономику еще одного требования МВФ – либерализации? В первую очередь, следует различать либерализацию финансовых рынков, рынков капиталов и либерализацию в сфере торговли (соответственно отстранение правительства от вмешательства в финансовые рынки, рынки капиталов и отстранение от возможности введения регулятивных мер в сфере торговли). Так, Кыргызстан, согласившись на либерализацию в сфере торговли, разрушил свою промышленность и сельское хозяйство, поскольку к моменту ее введения эти сектора экономики были неконкурентоспособны. Либерализация финансовых рынков привела к значительному росту процентных ставок по кредитам и так же не способствовала экономическому развитию.

Следует отметить, что даже в США и странах Европы сельское хозяйство до сих пор дотационное. Многие сферы, связанные с новейшими технологиями, также находятся под государственным ведением. На либерализацию финансовых рынков они согласились лишь в 70-е гг. XX в., когда сформировалась устойчивая и высоко-конкурентная банковская система.

Рассмотрев три пункта требований МВФ и их последствия, можно с уверенностью сказать, что данная организация сыграла лишь негативную роль при переходе Кыргызской Республики к рыночной экономике.

Такого же мнения ныне придерживается бывший советник А. Акаева по экономике Тецужи Танака, заявляя, что в Кыргызстане не было почвы для быстрого перехода к рыночной экономике, однако ВБ и МВФ необоснованно ускорили этот процесс. “Теперь ретроспективно я понимаю, что не надо было торопиться выполнять рекомендации ВБ и МВФ о снижении влияния государства. Его надо было оставить до некоторой поры и придти к либерализации постепенно. Вступив в ВТО, Кыргызстан увеличил импорт товаров и не смог конкурировать. К примеру, на Ошском базаре, кроме пищевых продуктов, до вступления в ВТО 60 % составляли импортные товары, а 40 % – местные, а теперь 90 % всех товаров – это внешний рынок”, – отметил профессор Танака.

Он также высказывает мнение, что у Кыргызстана не было другого выхода, кроме как следовать требованиям МВФ. Однако, по его мнению, первый президент пошел даже дальше, чем требовал МВФ, чем усугубил экономическое положение республики: “Аскар Акаев очень аккуратно вы-

полнял все рекомендации МВФ, мы даже называли Кыргызстан отличником МВФ. Несмотря на то, что это не привело к стабильному экономическому развитию, я считаю, что другого выхода у него не было. Это было неизбежным, у Кыргызстана не было внутренних ресурсов, поэтому страна все время получала международные кредиты. Это оправданный шаг. Но должен отметить, что Аскар Акаев перегнул палку с теоретическим подходом к экономике. Будучи ученым, он в ущерб практике рассчитывал на классическую экономическую теорию. Например, я активно рекомендовал ему не вступать в ВТО, не торопиться и подготовиться, но сумел отсрочить вступление на два года, чем даже горжусь. Кыргызстан слишком рано вступил в ВТО, и это очень негативно сказалось на его экономике” [9].

Если вспомнить опыт Польши, то возникает внутренний протест при словах о неизбежности и обоснованности подчинения требованиям МВФ. Но в последнем высказывании прослеживается мнение о сопричастности первого президента к неукладу в экономическом развитии республики. И это мнение даже более чем оправданное.

Отраженное восприятие действительности и индивидуальный интерес. В данный момент можно констатировать, что время рассеяло многие мифы, воодушевлявшие самых наивных и вызывавшие подозрения или даже протесты у самых проникательных. “Невидимая рука рынка” больше не управляет рынком, потому что ее просто нет. [10, с. 32] Необходимость дерегулирования экономики – уже не идеал для процветания экономики. Невмешательство государства в экономику – еще одна идея, распространяемая мировой супердержавой – США, показала свою нецелесообразность на примере ипотечного, а затем финансового кризиса в масштабах не только США, но и всех стран мира. В результате кризиса 2007–2010 гг. для спасения своей экономики правительство США было вынуждено национализировать ряд финансовых институтов и ввести регулятивные меры. Идея глобализации не только встречает сторонников, но и сталкивается с противниками по всему миру. Да и всю концепцию “рыночного фундаментализма” одни называют натянутой, рефлексивной, [11, с. 12] другие – изначально безосновательной.

Безусловно то, что так же, как современное экономическое положение, в мире есть результат отраженного восприятия действительности (использование некорректных концепций) и удовлетворения частных интересов отдельных финансовых групп ведущих держав мира (в частности США), экономическое положение в Кыргызской

Республике во многом является производной того, как понимало действительность и действовало руководство страны. Проще говоря, немалая доля вины лежит именно на руководстве республики.

Недостаток знаний в области экономики, неадекватность оценки происходивших событий, отраженное понимание действительности и наличие индивидуального интереса отдельных лиц (или их групп) способствовали процессу неконтролируемой и алогичной приватизации, слишком быстрой либерализации (в отличие от стран Восточной Европы и Китая) и поэтапно привели к усилению клановости и традиционалистского общества, усилению авторитаризма, признаком которого является концентрация власти в одних руках, отсутствие циркуляции элит.

Следует отметить, что требования международных организаций, таких, как Международный валютный фонд, оказались комплиарны с интересами власть предержащих в нашей республике, которые получили теорию, позволяющую присваивать гигантские активы, когда-то принадлежавшие народу (или их распродажу через коррупционные механизмы). При этом они получали “кондиционные” транши – за “успешность” процесса приватизации, которые становились дополнительным источником обогащения. Удовлетворение индивидуального интереса, построение системы, облегчавшей этот процесс – цели большинства людей, стоящих “у руля”. Следовательно, не было и никакой необходимости двигаться против течения, бороться со сложившимся традиционализмом и клановостью, стараться выстроить эффективное государство.

Литература

1. *Омаров Н.* “Национальный проект – Кыргызстан”: в полушаге от мечты...? // URL: <http://apn.kz/publications/article5657.htm>.
2. Среднесрочный прогноз социально-экономического развития Кыргызской Республики на 2012–2014 гг. // URL: <http://www.stat.kg>
3. Количество переводимых средств от трудовых мигрантов составляет 1/3 часть ВВП Кыргызстана // MF Regional Economic Outlook: Caucasus and Central Asia, 2011.
4. Итоги 2012 г. /Национальный статистический комитет // URL: <http://www.stat.kg>
5. Итоги 2011 г. / Национальный статистический комитет // URL: <http://www.stat.kg>
6. *Акаев А.* Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М.: Междунар. отнош., 2004.
7. *Домбровский М., Антчак Р.* Экономические реформы в Кыргызстане / М. Домбровский, Р. Антчак // Исследования и анализ. 1994. № 28.
8. *Стиглиц Дж.* Globalization and its Discontents (Глобализация и ее неустойки). N.-Y., 2003.
9. *Танака Тецуэжи.* Вступив в ВТО, Кыргызстан увеличил импорт товаров и не смог конкурировать. Bishkek: Press Club, 27.02.2008 // URL: <http://www.bpc.kg/perspective/74-27-02-08>
10. *Стиглиц Дж.* The Roaring Nineties: a New History of World’s Most Prosperous decade (Ревущие девяностые: новая история самого процветающего десятилетия мира / Дж. Стиглиц. Нью-Йорк; Лондон, 2003.
11. *Сорос Дж.* The New Paradigm for Financial Markets: The Credit Crisis 2008 and What it Means // Public Affairs. 2008.